

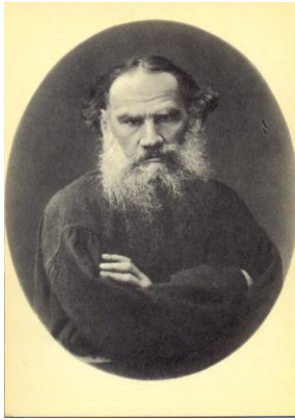
Беседы о литературе Ивана Бунина:
обзор-рекомендация к 150-летию И.А. Бунина
Вступительная часть обзора

2020 год объявлен Указом Главы РФ Годом Ивана Алексеевича Бунина (1870 – 1953) – русского писателя, поэта, переводчика, Почетного академика Петербургской академии наук, лауреата Нобелевской премии по литературе (1933).

Обзор воспоминаний о литераторах и заметки о литературе Бунина предназначен словесникам, не как руководителям чтения, а как учителям – педагогам, преподающим многие годы русскую классическую литературу. Очень сердечная (о Л. Толстом и А. Чехове) пристрастная (об Алексее Толстом), язвительная (почти о всех писателях-эмигрантах), оскорбительная (о Горьком, Есенине и Маяковском) заметки прояснят их взгляд на «обронзовевших» классиков, освежат восприятие уже зачитанных текстов. Ценность литературоведения Бунина в том, что он всегда опирается в своих материалах на творчество писателя, знание текстов. Своеобразие эмиграции Бунина было в двойной эмиграции: в фактической (с 1920 года) во Франции и духовной – в русскую дореволюционную литературу (с русскими эмигрантами-писателями он не дружил). Практически всю жизнь в эмиграции он вел «Беседы с памятью» с русской литературой (с Л. Толстым, с А. Чеховым, с А. Куприным) и жадно читал авторов советской России. Рекомендуемые для чтения воспоминания и заметки И. А. Бунина – это своеобразное вдумчивое литературоведение по истории русской классической литературы в период предреволюционной России, в годы эмиграции Бунина (в Париже Бунин читал публичные лекции по своим воспоминаниям). Тексты для обзора цитируются по 9-му тому издания «Бунин И. А.Собрание сочинений. В 9 т. Автобиографические заметки: Воспоминания: Статьи и выступления / Сост. И. Владимиров. – М.: Terra – Книжный клуб, 2009. – 464 с.».

В предоставленном материале цитируются только отрывки. Полные тексты доступны читателям в интернете.

Толстой

К образу Льва Николаевича Толстого И. А. Бунин возвращался постоянно. Об этом свидетельствуют не только статья «Толстой», «Заметки (к девятой годовщине со дня смерти Л. Н. Толстого)», «К воспоминаниям о Толстом», но и строки о великом современнике в автобиографических заметках, в воспоминаниях о Чехове и других.

Его воспоминания о Л. Н. Толстом отличает простое детское обожание, безграничное уважение, очень правильное понимание сути его мировоззрения. Их можно рекомендовать пишущим ученикам для понимания образа писателя вместо заумных книг о величии писателя. В 1892 году Бунин сблизился в Полтаве с «толстовцами», пытался в целях опрощения, заняться бондарным ремеслом. Но сам Л. Н. Толстой отговорил его опрощаться до конца. Познакомился Бунин с писателем только в 1894 году в Москве, хотя имел возможность и ранее (жили в соседних имениях), но не смел. Его воспоминания «Толстой» начинаются так: «Я чуть ли не с детства жил в восхищении им. Мальчиком уже имел некоторое представление о нем, но не из чтения его книг, а по разговорам у нас в доме. Между прочим помню, что отец нередко смеялся, рассказывая, как читают «Войну и мир» наши некоторые соседи помещики: один читает только «Войну», другой только «Мир»... В отрочестве чувства к Толстому были у меня уже непростые. Отец говорил: «Я его немного знал. Во время севастопольской кампании встречал, играл с ним в карты в осажденном Севастополе». И, помню, я на него смотрел с восторженным удивлением: живого Толстого видел! (такой же восторг Пушкиным в заметке «Думая о Пушкине»).

Читая в воспоминаниях сцены о нелепом восприятии почитателями идей Толстого о теории непротivление злу насилем и о кружках трезвости, смеешься и сочувствуешь писателю: «...окружаемый братией, серьезно делавшей ему порой такие вопросы: «Лев Николаевич, но что, же я должен бы сделать, если бы на меня напал, например, тигр?». Он в таких случаях только смущенно улыбался и говорил: «Да какой же тигр, откуда тигр? Я вот за всю жизнь не встретил ни одного тигра...». Вспоминаю еще, как однажды сказал ему, желая сказать приятное и даже слегка подольститься: «Вот всюду возникают теперь общества трезвости». Он слегка нахмурился: «Какие общества?... То есть, когда собираются, чтобы водки не пить? Вздор. Чтобы не пить, незачем собираться. А уж если собрались, то надо пить. Все вздор, ложь, подмена действия видимостью его...».

Чехов

К Чехову он относился с братской любовью, знал как ему одиноко в Ялте, и гостил там часто, делил дни печали с его матушкой и сестрой после кончины писателя. Потом с детской обидой писал в эмиграции, что сестра Чехова побоялась упомянуть его в числе друзей Антона Павловича.

Он пишет «Я познакомился с ним в Москве, в конце девяносто пятого года... Встретил он меня приветливо, но так просто, что я принял эту простоту за холодность... Любил разговоры о литературе. Говоря о ней, часто восхищался Мопассаном, Толстым. Особенно часто он говорил именно о них да еще о «Тамани» Лермонтова. «Не могу понять, – говорил он, – Как мог он, будучи мальчиком, сделать это! Вот бы написать такую вещь да еще водевиль хороший, тогда бы и умереть можно!». Часто говорил: «Никому не следует читать своих вещей до напечатывания. Никому не следует слушать ничьих советов. Ошибся, соврал – пусть и ошибка буде принадлежать только тебе. В работе надо быть смелым. Есть большие собаки, и есть маленькие собаки, но маленькие не должны смущаться существование больших: все обязаны лаять – и лаять тем голосом, какой Господь Бог дал».

...К собственным литературным успехам относился с затаенной горечью: «Бранят человека двадцать пять лет на все корки, а потом дарят ему гусиное перо из алюминия... Напишут о ком-нибудь тысячу строк, а вниз прибавят: «..вот еще есть писатель такой Чехов: нытик...» А какой я нытик? Какой я еще «хмурый человек», какая я «холодная кровь», как называют меня критики? Какой я «пессимист»? Ведь из моих вещей самый любимый мой рассказ – «Студент». И слово-то противное: «пессимист»...Когда вас милостливый государь, где-нибудь бранят, вы почаще вспоминайте нас, грешных: нас, как в бурсе, критики драли за малейшую провинность. (Это воспоминания о словах Чехова с улыбкой вспоминаешь, когда читаешь как «драл» Бунин и Горького, и Маяковского и Есенина и других). ...Садиться писать нужно только тогда, когда чувствуешь себя холодным как лед».

Его заглушали долго. До «Мужиков», далеко не лучшей его вещи, большая публика охотно читала его, но для них он был только занятный рассказчик, автор «Винта», «Жалобной книги». Люди «идейные» интересовались им, в общем, мало: признавали его талантливость, но серьезно на него не смотрели... Настоящая слава пришла к нему только с постановкой его пьес в Художественном театре. И, должно быть, это было ему не менее обидно, чем то, что только после «Мужиков» заговорили о нем:

ведь и пьесы его далеко не лучшее из написанного им, а, кроме того, это значило, что внимание к нему привлек театр, что тысячу раз повторялось его имя на афишах, что запомнилось: «двадцать два несчастья», «глубокоуважаемый шкап», «человека забыли». Он сам часто говорил: «Какие мы драматурги! Единственный настоящий драматург – Найденов: прирожденный драматург, с самой что ни на есть драматургической пружиной внутри...». И помолчав, вдруг заливался радостным смехом: «Знаете, я недавно у Толстого в Гаспри был. Он еще в постели лежал, но много говорил обо всем, и обо мне, между прочим. Наконец я встаю, прощаюсь. Он задерживает мою руку, говорит: «Поцелуйти меня», и, поцеловав, вдруг быстро суется к моему уху и этакой энергичной старческой скороговоркой: «А все-таки ваших пьес терпеть не могу. Шекспир скверно писал, а вы еще хуже». Говоря о Толстом он как-то сказал: «Чем я особенно в нем восхищаюсь, так это его презрением ко всем нам, прочим писателям, или лучше сказать, не презрением, а тем, что он всех нас, прочих писателей, считает совершенно за ничто. Вот иногда хвалит Мопассана, Куприна, Семенова, меня... Отчего хвалит? Оттого, что смотрит он на нас, как на детей. Наши повести, рассказы, романы для него детские игры, и потому он, в сущности, родными глазами глядит и на Мопассана и на Семенова. Вот Шекспир – другое дело. Это уже взрослый и раздражает его, что пишет не по-толстовски».

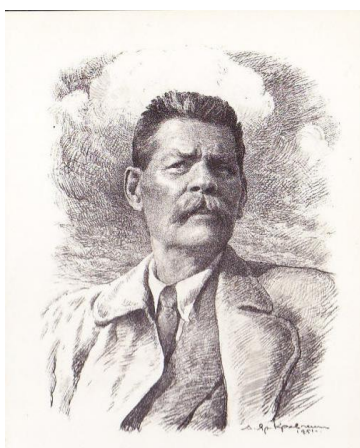
Долго иначе его не называли, как «певцом сумеречных настроений», «больным талантом». ...Теперь палку гнут в другую сторону: «чеховская нежность», грусть теплота». Воображаю, что чувствовал бы он сам, читая про свою «неж – ность»! Еще более были бы противны ему «теплота», «грусть». Говоря о нем, даже талантливые люди берут неверный тон... Короленко характеризует его талант такими жалкими словами, как «простота и задушевность», приписывает ему «печаль о призраках». Одна из самых статей о нем принадлежит Шестову, который называет его беспощаднейшим талантом.

Точен и скуп на слова он был даже в обыденной жизни. Словом чрезвычайно дорожил, слово высокопарное, фальшивое действовало на него резко; сам он говорил прекрасно – всегда по-своему, ясно, правильно. Писателя в его речи не чувствовалось, сравнения, эпитеты употреблял редко, а если и употреблял, то чаще всего обыденные и никогда не щеголял ими, никогда не наслаждался своим удачно сказанным словом.

Помню его молчание, покашливание, прикрывание глаз, думу на лице, спокойную и печальную, почти важную. Только не «грусть», не «теплоту». Крымский зимний день, серый, прохладный, сонные густые облака на Яйле.

В чеховском доме тихо, мерный стук будильника... Последнее письмо я получил от него из-за границы, в середине июня 1904 года, живя в деревне. Он писал, что чувствует себя недурно, заказал себе белый костюм, огорчается только за Японию, «чудесную страну», которую, конечно, разобьет и раздавит Россия. Четвертого июля я поехал верхом в село на почту, и взял там газеты, письма и завернул в кузницу перековать лошади ногу. Был жаркий и сонный степной день, с тусклым блеском неба, с горячим южным ветром. Я развернул газету, сидя на пороге кузнецовой избы, – и вдруг точно ледяная бритва полоснула мне по сердцу...»

Воспоминания о Чехове датируются 1950 годом, через три года Иван Алексеевич Бунин воссоединится с милыми сердцу тенями, чтобы продолжать с ними беседы о литературе.

Горький

Бунин проговаривает в воспоминаниях «Горький» полный разрыв отношений в 1917 году: «Вскоре после захвата власти большевиками он приехал в Москву, остановился у своей жены Екатерины Павловны и она сказала мне по телефону: Алексей Максимович хочет поговорить с вами». Я ответил, что говорить нам теперь не о чем...». Начало их знакомства относится к 1899 году. И, затем, в «Автобиографических заметках» он так оценивает творчество А.М. Горького – «автор лубочного и насквозь лживого «Дна» и «он был чудовищный графоман»; приводит слова А.П. Чехова: «...«Буревестник», «Песнь о Соколе»... Но ведь это не литература, а только набор громких слов...» и «Фома Гордеев» ...Он весь по прямой линии, на одном герое построен, как шашлык на вертеле; И все персонажи говорят одинаково на «о». Трудно не согласиться, вспоминая школьные и студенческие годы при чтении тягостных и надуманных тестов Горького. Затем в воспоминаниях «Горький» Бунин беспокоится о полной неосведомленности широкой публики о его (Горького) биографии и восклицает иронично: «Конечно, талант, но вот до сих пор не нашлось никого, кто сказал бы наконец здраво и смело о том, что такое и кого рода это талант, создавший, например, такую вещь, как «Песнь о соколе», – песня о том, как совершенно неизвестно зачем «высоко в горы вполз уж и лег там», а к нему прилетел какой-то ужасно гордый сокол». Вновь трудно не согласиться с Буниным. А прочитав заметку «Горький о большевиках» понимаешь всю мифологичность созданной фигуры, и задумаешься как

читатель, как отражается личное нравственное в творчестве писателя. И, в связи с этой очень сложной проблемой, преподавателям русской литературы рекомендуем прочитать, в этом контексте, как И. А. Бунин пишет в воспоминаниях «Третий Толстой» о «красном графе» Алексее Николаевиче Толстом.

В заметке «Записная книжка (о Горьком) Бунин вновь восклицает, приводя правда слова из посмертного дневника Андреева: «Но неужели Горький так и уйдет ненаказанным, неузнанным, «уважаемым»?». Нет, преподаватели литературы знаю, что этот автор ушел из изучаемых классиков. Но, читая Бунина о Горьком мы, как руководители чтения и преподающие литературу, выносим уроки внимательного и вдумчивого чтения.

Маяковский

После прочтения воспоминаний «Маяковский» и заметки «Самородки» (о Есенине) рекомендуем взять сборник этих поэтов, и, прочитав, вынести собственное читательское мнение о творчестве поэтов.

Поэта Маяковского Бунин наряду с Горьким характеризует так: «самый низкий, самый циничный и вредный... по воздействию на советскую чернь». Литературное «восхваление» Маяковского он объясняет, что «требовалась «фабрикация» людей с материалистическим мышлением..., а для этой фабрикации требовалось... оплевать все прошлое, все, что считалось прекрасным в этом прошлом, разжечь самое окаянное богохульство, – ненависть к религии у Бунина была совершенно патологическая, – и самую зверскую классовую ненависть... Для чего трудно было найти более подходящего певца, «поэта», чем Маяковский с его каторжно-бессердечной натурой, с площадной глоткой, с его поэтичностью ломовой лошади и заборной бездарностью даже в тех дубовых виршах, которые он выдавал за какой-то новый род якобы стиха». Даже отрывочно цитируя Бунина, испытываешь и его пристрастность к Маяковскому и опять не можешь не признать верной оценки роли и значения поэта в той ситуации. Поэтому после заметки Бунина следует перечитать поэта Маяковского.

Самородки

Заметка «Самородки» очень зло и хлестко на примере творчества и личности А. С. Есенина рассматривает такое явление в русской литературе, как «самородки от сохи, от земли, от земледелия». Бунин просто в бешенстве пишет: «Второе тысячелетие идет нашей культуре. Был у нас Киев, Новгород, Псков, Москва, Петербург, ...Было «Слово о полку Игореве», ...был Ломоносов, Державин, Кольцов, Пушкин, Толстой... Но нет, нам все мало, все не то, не то. Нам все еще подавай «самородков», вшивых русских кудрей и дикарских рыданий от нежности... Вот Москве было нанесено тягчайшее оскорбление памяти Пушкина (вокруг его памятника обнесли тело Есенина, то есть оскорбление всей русской культуре). А как этому отнеслась русская эмиграция? ...Стало лить горчайшие слезы по «безвременно погибшей белой березе». ...Дело не в Есениных. Дело в очень серьезном вопросе, вытекающем из этого отношения: так что же, – значит, нам и наше десятилетнее пребывание в Европе не помогло и нас опять тянет на сиволдай и самогон, и мы именно на него, на этот сиволдай, на самогон и должны равняться. Нет, «трагедии» Есениных.. страшно стары, на тысячи лет стары большевистской власти... во веки веков процветала на Руси белая горячка, в припадках которой и вешаются и режутся.». Но, Бунин признавал «природную талантливость» Есенина, и здесь вновь рекомендуем перечитать после заметки «Самородки» сборник стихов С. А. Есенина. И, вообще, при всей запальчивости и пристрастности И. А. Бунина надо признавать высокий уровень требований его к тем, кто претендует на вход в классику. Как-то по другому смотришь на то, что называют периодом «серебряный век» и закрадывается кромольная мысль, а был ли он серебряный век. Академик И. А. Бунин своими «литературоведческими» воспоминаниями и заметками заставляет задуматься о многом.